

Май МИТУРИЧ,
заслуженный художник
РСФСР

«В НЕМ не вижу я ни капли творчества, а много искусства», — заметил А. С. Пушкин по поводу стихов одного из современников. Имя заслужившего пушкинский приговор поэта ныне забыто. Но значение и смысл сказанного выходят за рамки частного случая.

Несравненной по краткости и глубине формулировкой пушкинский гений освещает глубинную суть понятия творчества. Пушкин говорит «много искусства» и, стало быть, подразумевает под «искусством» не неуклюжую искусственность дилетантизма, а скорее, напротив, избыток профессионализма, техническую изощренность, не одухотворенную творческим чувством художника.

Неадаптивно противопоставляя творчество искусству, Пушкин обозначает два полярных начала. И замечание его приобрело пророческий смысл в наш век, когда многообразие форм искусства приводит к неведомой пушкинскому времени полярности устремлений. Не в погоне ли за противоположным — «ни капли искусства, а много творчества» — художники пришли к декларациям «концептуализма», когда намерение расматривается как результат?

С другой стороны, широкий

спрос требует «много искусства», побуждает художников к поискам технически изощренных приемов, позволяющих производить «много искусства», минуя таинственный закон творчества — благосклонность вдохновения. Яркий пример подобного явления «репродукционизма», когда художник черпает впечатления не в жизни, не в натуре, а в книгах по искусству, напоминая старателя, который решил добыть золото не на прииске, а в банке.

Хотя Пушкин, несомненно, выражает предпочтение творчеству перед «искусством», можно думать, что обе крайности были чужды его идеалу. Сам Пушкин, другие поэты, музыканты, художники, чья значительность удостоверена судом времени; отнюдь не были безыскусны в творчестве. Не на развилке ли обозначенных Пушкиным путей складывается гармоничный сплав творчества и искусства, необходимый для высоких достижений?

Но, вынося свой приговор, Пушкин говорит: «В нем не вижу я ни капли...» — как бы подчеркивая субъективный ха-

рактер суждения. Ведь мог бы сказать: «В нем нет...»

Если бы люди собрали и взвесили, словно громадные капли росы, чистую пользу от нашей профессии в чашу одну поместили на весы...

Эти строки Николая Асеева отразили мечту многих художников найти «весы», мерило для объективной оценки художественного творчества. Но сегодня, как и в пушкинское время, лишь таинственная работа времени чеканит окончательную пробу на извечно неразделимом сплаве противоречивого единства: творчество — искусство. А в суждениях о современниках пушкинское «я вижу в нем» — по-прежнему уместнее категоричного «да» или «нет», поскольку лишь ответное чувство зрителя остается основным ориентиром для оценок творческой содержательности.

Однако пушкинская формулировка убеждает, что ощущение зависимости между художественной ценностью произведения и долей содержания в нем «капель творчества» восходит к глубокой традиции русской культу-

ры, составляет основу ее духовности.

Мы знаем, как трудно бывает найти словесный эквивалент для пластического художественного образа. Современная наука объясняет, что трудность эта не случайна и происходит не из неумения художников словесно выражать свои мысли, но обусловлена физиологией деятельности, «специализацией полушарий» головного мозга. Это она, по одному ученому определению, «позволяет человеку рассматривать мир с двух различных точек зрения, познавать его объекты, пользуясь не только словесно-грамматической логикой, но и интуицией с ее пространственно-образным подходом к явлениям и моментальным охватом целого». Так вот почему так трудно бывает найти словесное выражение ответному чувству, которое побуждает в сознании художественный образ! И не потому ли в словесных спорах о бессловесном предмете нашей профессии преимущество в красноречии может одерживать верх и без достаточных оснований?

Та же краткая пушкинская

формулировка наводит на мысль о том, что смысл творческого опыта состоял для Пушкина не в накоплении, совершенствовании профессиональных навыков («много искусства...»). «Новизна — вот что отличает творчество от ремесла», — утверждает на основании данных современной неврологии исследователь, на которого я уже ссылался.

Наследие, которое мы называем искусством в самом широком смысле, складывается, собирает то, что для отдельного художника есть его творческий опыт. Нельзя ни передать кому-либо, нельзя у кого-либо позаимствовать, нельзя, наконец, накопить «новизну» впрок. «Новизна» несовместима с воспроизведением, «репродукционизмом». Кто-то опасается исчерпать необъятные возможности для творческих поисков и открытий, которые оставляет для художника бесконечное многообразие природы, жизни, духовного мира человека. Художник лишен этого опасения. Он знает, что попытка добежать до линии горизонта обречена.

Именно об этом напоминает нам Пушкин.

По поводу одной строки